VIII / 1989

**EUROPA
ORIENTALIS**

EUROPA ORIENTALIS

Studi e Ricerche sui Paesi e le Culture dell'Est Europeo
& Bibliografia Italiana Corrente sull'Europa Orientale

Questo volume di EUROPA ORIENTALIS è stato pubblicato
con un contributo dell'Università di Salerno

DIREZIONE E REDAZIONE

MARIO CAPALDO - Università di Salerno
ANTONELLA D'AMELIA - Università di Salerno

COMITATO SCIENTIFICO

GIUSEPPE DELL'AGATA - Università di Pisa
CESARE DE MICHELIS - Università di Roma (Tor Vergata)
SANTE GRACIOTTI - Università di Roma (La Sapienza)
RICCARDO PICCHIO - Istituto Universitario Orientale (Napoli)
ANTON M. RAFFO - Università di Firenze
ANGELO TAMBORRA - Università di Roma

I manoscritti e i libri devono essere inviati a:
Prof. Mario Capaldo, Via Malpighi 12/A, 00161 Roma

INDICE

CONTRIBUTI ITALIANI AL VI CONGRESSO INTERNAZIONALE DI STUDI SUD-EST EUROPEI

G. DELL'AGATA, <i>Il Trattato sulla Bulgaria nella traduzione russa del Regno degli Slavi di Mauro Orbini</i>	9
R. GUEZE, <i>Le lettere del maresciallo Federico Veterani (1643-1695). Aspetti della vita di un condottiero del '600 nelle guerre contro i Turchi nei paesi danubiani</i>	19
J. JERKOV CAPALDO, "Peccati del diavolo" e "scandali dell'inferno" nella chiesa cattolica bulgara del XVII secolo	41
A. PITASSIO, <i>Soldato, contadino ed eletto del Signore. Alle origini dello stereotipo positivo del bulgaro in età moderna</i>	71
A. CARITO, <i>Resoconti di viaggiatori italiani nei Balcani nel XVIII secolo</i> ..	91
D. POPOVA DELL'AGATA, <i>Greci e slavi in alcuni tentativi popolazionistici dei Granduchi di Toscana</i>	105
A. TAMBORRA, <i>A. S. Chomjakov, il suo messaggio K Serbam del 1860 e il suo significato</i>	117
M. R. LETO, <i>Ivan Kukuljević Sackinski viaggiatore nella Bosnia ottomana</i>	123
A. BRECCIA, <i>Patto di "amicizia eterna" tra Ungheria e Jugoslavia alla vigilia della discesa di Hitler nei Balcani</i>	135
N. MARCIALIS, <i>In margine ai Dialoghi risorgimentali bulgari</i>	153
B. MAZZONI, <i>Mitologemi balcanici nella letteratura romena moderna</i>	167
E. BANFI, <i>Typologies of Standardization in the Balkan Languages. The Case of Two Balkanisms: the Loss of the Infinitive and the Periphrastic Future</i>	175
A. M. RAFFO, <i>Balcanismi e non</i>	199
M. CAPALDO, <i>Contributi allo studio delle collezioni agiografico-omiletiche in area slava. I. Struttura e preistoria del "Panegirico di Mileseva"</i> ..	209

STUDI E RICERCHE

F. ESVAN, A propos du respect de la règle de Wackernagel en tchèque contemporain	253
G. ZIFFER, Storia del russo e dello slavo ecclesiastico. A proposito di alcuni lavori di Helmut Keipert	275
P. MORAWSKI, Le "Indie d'Europa". Tre schede per una ricerca in corso	301
A. TAMBORRA, Porfirij Uspenskij tra Vienna, Gerusalemme e Roma (1840-1854)	313
S. PAVAN PAGNINI, Invidia di Ju. Oleša. La duplicazione della voce narrante	323
M. BÖHMIG, Spazio e tempo nell'avanguardia russa	341
L. GAMBACORTA, Tango, tragicommedia della Maša stabilizacija	381
A. MURA, Sulla traduzione poetica : Halas a tempo di Ripellino	395

INEDITI NOVECENTESCHI

J. MALMSTAD, Andrej Belyj at home and abroad (1917-1923). Materials for a Biography	425
A. ШИШКИН, Переписка В.И. Иванова и И.Н. Голенищева-Кутузова	481
Переписка В. И. Иванова и И. Н. Голенищева-Кутузова. Подготовка текста и комментарий А. Шишкина	489
В. ГИТИН, Из неопубликованного наследия Анненского	527

RICORDI

M. MARZADURI, Irina Semenko 1921-1987	567
Д. МАКСИМОВ (1904-1987), Автобиографическая заметка	569

RECENSIONI

L. Ronchi De Michelis	A. Tamborra, Ljudevit Vuličević fra Slavia ed Italia. Istituto per la storia del Risorgimento italiano, Roma 1986.	579
I. Bujukliev	V. Blanár, Lexikálno-sémantická rekonštrukcia. Bratislava, SAV. 1984.	
A. Tamborra	A. Becca Pasquinelli, La vita e le opinioni di M. A. Osorgin (1878-1942). La Nuova Italia Editrice, Firenze 1986.	

- A. Tamborra M. Karpowicz, *Artisti Ticinesi in Polonia nel '600*. Repubblica e Cantone del Ticino, Agno-Lugano 1983.
- D. Landi *Studi Albanologici Balcanici, Bizantini e Orientali in onore di Giuseppe Valentini, S. J.* [Studi Albanesi. Studi e Testi VI]. Leo Olschki Editore, Firenze 1986.
- D. Landi B. Sokolova, *Die albanische Mundart von Mandrica*. [Ost-europa-Institut an der Freien Universität Berlin. Balkanologische Veröffentlichungen. 6]. O. Harrassowitz, Wiesbaden 1983.
- D. Landi N. Ressuli, *Grammatica albanese*. Pàtron ed., Bologna 1985.
- B. Mazzoni P. Buonincontro, *La presenza della Romania in Italia nel secolo XX. Contributo bibliografico 1900-1980*. De Simone, Napoli 1988.

BIC/EO 1986 *Bibliografia Italiana Corrente sull'Europa Orientale*. 595
 A cura di S. Cecchi, G. Mazzitelli, B. Ronchetti, G. Ziffer

ПЕРЕПИСКА В. И. ИВАНОВА
И И. Н. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА

АНДРЕЙ ШИШКИН

“Высокого роста, с длинными, иногда светлыми, волосами с проседью, с лицом красноватым от римской малярии, В. Иванов оставлял сильное впечатление. Его светлоголубые, не очень большие глаза пронзительно смотрели на меня сквозь очки. Он был в длинном черном костюме старого покроя с свободно повязанным черным галстуком. Он походил на профессора Гейдельбергского университета начала прошлого века. Но, несмотря на его старинный облик с гравюры Ходовецкого, сквозь его манеру говорить и улыбаться – последняя сильно напомнила мне улыбку Юпитера на фреске виллы Фарнезины – просвечивала молодость, вечная молодость великих художников. Как будто с большого медальона кафе Греко сошел сам Гете, чтобы завершить начатый век назад разговор”

Таким запомнился В. И. Иванов Илье Николаевичу Голенищеву-Кутузову (1905-1969), наследнику славнейшего дворянского имени, молодому поэту и переводчику, начинающему дантологу, будущему известному филологу-романисту и слависту.¹ С Е. В. Аничковым, его белградским университетским

¹ О нем см. В. М. Жирмунский, *Памяти И. Н. Голенищева-Кутузова*. В кн.: *Голенищев-Кутузов 1971*, с. 517-524; Д. С. Лихачев, *И. Н. Голенищев-Кутузова* в кн.: *Голенищев-Кутузов 1973*, с. 3-16.

профессором (он то и познакомил своего выпускника с старинным – еще по петербургской башне – своим другом) Кутузов заходил в небольшую квартирку поэта на верхнем этаже неподалеку от кафе *Греко* и площади Испании. Там "говорили о поэзии, о религии, о кризисе культуры, античной Греции и средневековье. <...> Неизменным гостям Иванов читал свои новые стихотворения и поэму *Человек* – о пути человечества к возрождению, к человеку мистическому – Адаму-Кадмену. Однажды вечером я должен был по желанию автора сам истолковывать эту поэму по "четырем смыслам" средневековых схоластических комментаторов".² Прочел он также и песнь из переводимой им Комедии Данте:³ заходила речь о бл. Августине и, кажется, о книгах, над которыми работал и которые перерабатывал в то время Иванов: *Дионис и Прадионисийство* и *Достоевский*.

Эти немногочисленные вечера на римской "башне" (так по аналогии с прославленной петербургской башней называет жилище поэта Кутузов), нередко за полночь, летом 1927 и следующего 1928 г. оказались единственными личными встречами Иванова и Кутузова, но оставили они следы в жизни и того и другого. Творчество Иванова делается объектом критических работ Кутузова. Уже в декабре 1928 г. он собирается выступить в Белграде с лекцией о Иванове и читать его новые, неопубликованные стихи (сам Иванов после отъезда из СССР в 1924 г. вплоть до 1935 г. воздерживался от публикации на русском языке своих сочинений – см. письмо № 7); в январе 1930 г. читает лекцию и стихи в парижском Союзе молодых поэтов (см. № 3); публикует статью *Лирика Вячеслава Иванова*,⁴ где впервые после долгого перерыва появляются в печати новые стихи поэта, критические отзывы на книгу Иванова *Дионис и Прадионисийство*⁵ и немецкую книгу о Достоевском,⁶ новую статью о лирике поэта,⁷ наконец, в 1935 г., в преддверии 70-летнего юбилея Иванова, читает о нем лекцию в белград-

² *Голенищев-Кутузов* 1935, с. 102; *Голенищев-Кутузов* 1937, с. 62.

³ *Голенищев-Кутузов* 1971, с. 482, 467-8, ср. Дэвидсон в печати.

⁴ *Современные Записки* 1930.

⁵ *Отречение от Диониса*. "Возрождение", 1930, 3 июля.

⁶ *Голенищев-Кутузов* 1935, с. 100-109; статья затем вошла в книгу *Голенищев-Кутузов* 1937, с. 59-73.

⁷ В книге *Голенищев-Кутузов* 1937, с. 74-88.

ском Русском научном институте (см. № 19). С другой стороны Иванов внимательно читает присылаемые его молодым другом стихи и прозу (художественную и критическую), пишет введение к первой поэтической книге Кутузова *Память* (Париж, 1935). Интерес к событиям творческой жизни другого, их интеллектуальная диалогичность несомненны.

Между тем, свидетельств об этом в публикуемой переписке (оживленной вначале и угасающей в середине 1930-х гг.) мы найдем не так много. Переписка тематически группируется вокруг публикации Кутузовым статей о Иванове в русской парижской прессе; запрета Иванова переводить и печатать по русски его *Письмо к Ш. Дю Босу*; написания Ивановым предисловия к книге Кутузова *Память*; юбилея Аничкова; оценки Ивановым второго поэтического сборника Кутузова. Иванов спрашивает молодого друга о его научной жизни и семейных делах, разбирает его стихотворения, рассказывает, однако, весьма немного, о себе ... следует признать, что его обещание написать в письмах "обо всем, чем сердце живо" (№ 7) так и не было им реализовано. Молодой Кутузов сообщает о своей жизни не так скупно (ср. № 1-3 и, особенно, 13), но и здесь, о значении, например, творческого посвящения в Риме, больше чем письма говорят дарственные надписи на его книгах и статьях:

<...> Поэту, Учителю Поколения, Книжочию / на память о Римских вечерах, греческих уроках /на террасе и мусийских беседах (оттиск статьи *Лирика Вячеслава Иванова* 1930 г. – Римский архив)

<...> учителю, другу, водителю / патриарху Новой русской поэзии – / певцу божественной полноты бытия (*Кутузов* 1937 – Римский архив)

<...> Казалось

В библиотечной тишине
Что прошлое живет во мне
И с будущим оно сливалось
В бессмертный гимн. <...>

В словах Твоих
Благую весть услышал я
На башне в час ночного бденья,
И получил благословенье

Для творческого бытия
(книга *Память* – Римский архив).

О душевной же драме второго поколения русской эмиграции, той иррациональной (или мистической) эмигрантской тяге в Россию – в ту Россию, которой уже не существовало, драме, столь блистательно описанной в *Подвиге* В. Набокова (и, конечно, в *Незамеченном поколении* В. Варшавского) мы узнаём опять-таки не из печатаемых писем Кутузова, а из его стихотворений.⁸

Если говорить о глубоко значимом внутреннем диалоге Иванова с его молодым другом, то наиболее значительное событие здесь – написание предисловия к первой поэтической книге Кутузова и посвящение ему через несколько лет стихотворения *Земля*. Между прочим, знаменательно, что (как следует из № 8) название и, стало быть, основную идею книги Кутузова – *Память* – надлежит понимать исходя из ивановского образа “студеной воды, плещущей из озера Памяти” – смысл этого образа в античной мысли раскрыт в книге *Дионис и Прадионисийство*, которой посвящал рецензию Кутузов.⁹

В предисловии Иванов “вглядывается” в поэтическое лицо и еще скрытый от него *лик* автора первой книги стихов; суждения его обнадеживающи, но и суровы: “начальная (она же и последняя!) задача всякого лирического поэта, задача выявить духовное лицо свое в его существенной единственности и потому всеобщей значимости <...> еще не выполнена”. Художник не преодолел еще морока грез, которые заслоняют от него живую реальность, цвет и истину бытия; иными словами, В. Иванов упрекает молодого поэта в *субъективном*

⁸ Как опубликованных в русской зарубежной печати, так и рукописных; около 30 неизданных стихотворений поэта хранится в Римском архиве В. Иванова, на некоторых – пометы Иванова.

⁹ “Судьба человека – та же, что участь бога страдающего. Только человек не весь от Диониса: его низшая природа – “титаническая”, хаотически богоборствующая <...> Он замыкается в своей индивидуальности, “хочет спасти свою душу”. <...> Вопреки его воле, надлежит ему, по Анаксимандру, смертью уплатить пеню за вину своего обособленного возникновения, своей эгоистической отделенности.<...> Но и здесь цельность его духовного лика, Диониса в нем <...> спасена за порогом смерти, где текут живые воды из “озера Памяти”, восстанавливающие сознание забытого единства, и откуда новый зов <...> выведет его опять на лицо земли” (с.159).

идеализме – серьезное обвинение в устах теоретика реалистического символизма! Нравится же Иванову что “вообще же с преданием – как ветхим, так и свежим – молодой поэт весело и открыто дружит, что и естественно, потому что (здесь Иванов еще раз формулирует свой литературный символ веры: русская поэзия является неотъемлемой и интегральной частью общей европейской поэтической культуры) современная русская поэзия, подобно эллинизму предхристианской поры, выработала общий гостеприимный язык. И не уменьшает его самостоятельности, напротив, еще ее обнаруживает и увереннее в себе утверждает свободная многоотзывчивость его музыки”. Программа литературная перерастает в программу культурную, идеологическую, более того, даже (как не вяжется это слово с Ивановым!) политическую, — “кому много дано, с того много и спросится; дело же идет о духовном самоопределении новой России”. Обращена она к Кутузову, но одновременно и к русской культурной эмиграции, сторонящейся, отъединяющейся от Предания запада, к которой ее собственное относится как правое легкое к левому.¹⁰

В письме от 23 сентября 1931 г. Кутузов находит самые проникновенные слова, чтобы рассказать о “магическом воздействии” на себя строк Иванова: “мне порой казалось, когда я перечитывал Вами написанное, что Вы лучше понимаете мою сущность и мой путь, и все препятствия на этом пути, чем я сам” (№ 13). Что препятствия эти, при внешнем устройстве академической карьеры Кутузова, были серьезны и значительны, говорят последующие письма, а еще больше присылаемые Иванову новые стихи... Чувство изгнанничества, отщепенства от родной земли, тоска по призрачной родине (“Его Россия, изъятая из его поля зрения, стала для него “внутренним опытом”, предметом мистической веры и почти потусторонней надежды: память о ней – “вечную память”, провозглашаемой в чине погребения” – писал Иванов в 1931 г. в предисловии к *Памяти*) усугубляла мрачная тень приближа-

¹⁰ Это образ из “Письма к Дю Босу” 1931 г. (Иванов 3, с. 426, 429). Достоинно внимание, что образ этот использовал в своей речи к участникам II ивановского симпозиума папа Иоанн-Павел II (ср. Иванов 4, с. 702). Заслуживает интереса, между прочим, попытка Аничкова охарактеризовать позицию Иванова как синтез (в аутентичном смысле) славянофильства и русского западничества (Доклад Аничкова об Иванове 1935 г.).

ющейся войны (ср. № 19-21). Особенно, как мне думается, должны были стать предметом критического несогласия Иванова мысли о конце русской культуры и исчезновения с лица матери-земли (мать-сыра-земля — важнейший для Иванова образ!) добрых духов. Эти идеи Иванов встретил в присланных в 1933-35 гг. стихах *Граждане вселенной* и *В моих последних итальянских*. Последнее стихотворение Кутузова заканчивалось, между прочим, такими строками:

Мы восстаем магической силой
 Над злобою египетской и болью
 Склонившихся к земному тленю дней,
 Над хаосом российских днепростроев,
 Над рудами сибирскими, над сонмом
 Левиафанов, торжищ и колхозов.
 Мы видим, что ушли в земные недра
 Благие духи

Мать земля сырая
 Лежит без чувств. Лишь ангелы успеья
 Как странники являются бездомным
 На перекрестках, рубежах, распустьях
 России...

В том же 1935 г. Иванов писал в письме неизвестному русскому корреспонденту, в ответ на его, как видимо, весьма схожие (и вообще характерные для настроения многих зарубежных русских того десятилетия) мысли; идеи Иванова здесь являются новыми формулировками и развитием того, что было высказано им в *Письме к Дю Босу* и в предисловии к *Памяти*:

Не будем уподобляться Евреям, плачущим на развалинах старого храма, Тела Христова, Его Церкви... Вы сетуете о «разрушении русской культуры»; но она не разрушена, а призвана к новым свершениям, к новому духовному сознанию. Притом, как есть одна Истина, и одна Красота, так и культура, в существенном и последнем смысле этого слова, — выражение вселенского единства и дело вселенского единения. Так и русская культура лишь один из типов и одна из граней единой культуры. Бессмертное в творчестве бессмертно для всех; да и задумываются величайшие творения мысли и искусства с целью утвердить некую всеобщую истину, воплотить некую всеобщую идею, и только потом оказывается, что мыслитель или художник выражая это всеобщее, существенно выразил особенность их национальной души. Достоев-

скому казалось, что истинно-русский человек прежде всего «всечеловек» и что поэтому он в Европе более европеец, нежели француз или англичанин или немец, из коих каждый чувствует себя именно французом или англичанином или немцем и лишь условно и отвлеченно – европейцем. Итак, русскому беженцу, действительно верному заветам русского духа и русского духовного дела, надлежит прежде всего вырваться из бытовой и психической замкнутости и затхлости местных русских «колоний» и жить общею жизнью с народами Запада.¹¹

Иванов не послал Кутузову письма с аналогичной апологией. На стихи он ответил стихами; и в 63 томе "Современных Записок" за 1937 год появилось стихотворение *Земля*, посвященное Илье Николаевичу.

Повсюду гость и чуженин,
И с Музой века безземлен,
Скворещниц вольных граждан,
Беспочвенно я запределен.

И по иному луг мне зелен,
Журчит иначе студенец
Под сенницей лесных молелен,
Чем жнице ль, пастушку ль овец, —

Микулам, сельским уроженцам,
Поднявшим ралами поля...
Но и скитальцам, отщепенцам
Ты мать родимая, Земля.

И в одиночестве, в пустыне
В смарагдовой твоей раине,
Едва склонюсь к тебе, дремля,—
Ты шепчешь, сонный мох стеля,
О колыбеле, о святыне.¹²

"Сердечно был тронут стихами мне посвященными – в них тема изгнания и тема родины, Ваши и мои и обще-русские", – писал Кутузов Иванову (№ 20). Это одно из последних писем

¹¹ Черновой автограф в Римском архиве.

¹² *Современные Записки* 1937, № 63; включено в *Свет Вечерний* (Иванов 3, с. 829).

Кутузова. Но внутренний диалог с русским римским поэтом, раскрытие высшего смысла его духовного послания происходил в последующие годы, богатые творческими достижениями, но обремененные и жизненными трагедиями Кутузова.

* * *

Письма И. Н. Голенищева-Кутузова к В. И. Иванову хранятся в Римском архиве В. Иванова; там же находятся и ксерокопии писем В. И. Иванова к И. Н. Голенищеву-Кутузову; оригиналы их принадлежат Библиотеке Сербской академии наук и искусств в Белграде (Бр. 9289). Оба корреспондента пользуются исключительно старой орфографией; она переводится на современную с сохранением особенностей авторского правописания. Письмо № 15 было напечатано Д. В. Ивановым в кн.: *Russica 81*. Литературный сборник. Нью-Йорк, 1982, с. 381-382.

ПЕРЕПИСКА В. И. ИВАНОВА И И. Н. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА

Подготовка текста и комментарий
АНДРЕЯ ШИШКИНА

1. И. Н. Голенищев-Кутузов – В. И. Иванову

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Рим кажется мне уже сном прошлого существования, что смутно припоминается и мучит, неотвратный и непостижимый.

Пишу Вам с летейского берега. Адриатическое море, синее, неподвижное, ночное – моя Лета.

Посылаю *Nox Sibillina*.¹ Предпоследняя строфа написана заново. Почти со всеми Вашими поправками должен был согласиться.

На пароходe между Сплитом (Spalato) и Дубровником досказалось ранее едва ощущаемое стихотворение об "облаках и Киприде". Не знаю, понравится ли оно Вам. После римских все-нощных бдений я спал стоя, сидя, лежа, в поезде, ресторане, у брадобрея, в таможене, на пароходe. Между Римом и Анконой ревностный блюститель порядка даже оштрафовал меня за то что я спал на скамье с ногами и не двигался с места, несмотря на двукратное предупреждение. Почти что дураковское происшествие!

В Анконе, презрев усталость, я полез на гору смотреть собор – романский, небольшой, "шибко" испорченный реставрациями.² Там, у тяжелой каменной гробницы недавнего кондотьера взгрустнулось мне. Захотелось лежать так, скрестивши руки, рыцарем, едва сжимающим отяжелевший меч, безвозвратно погрузиться в каменную нирвану.³ Тем не менее по-

спешил я на пароход, выбрал койку у самого иллюминатора и тотчас же заснул. Во сне меня мучили кошмары. Мнилось — пламезарным диском, сферической молнией ослепляет и подавляет меня Акир⁴ и шепчет пронзительно — “У овса не колос, а бруно́, бруно́”. Я стараюсь его уверить, что в диссертации не упущу этого из виду, но Дураков-Сизиф⁵ и Софиев-Иксион⁶ проклинают меня, а из недр невозвратного слышится голос Адрастеи — “Я была твоей”.

Не знаю, долго ли продолжалось лживое мое мечтание, но благосклонная Нереида, сжалившись надо мной, плеснула мне прямо на грудь пригоршню соленой, морской воды через открытый иллюминатор. Вскоре начало светать, и показались вдали дымно-синие острова Далмации.

Весь день на море я дремал в *chaise-longue*, услаждая свой собственный слух стихами (даже греческими!).

Ныне, в моем иллирийском пленении, вспоминаются мне наши беседы, Ваши прозрения и толкования и “поучения сыну Сирахову” (Акира) и горькое благоуханье библиотечной Тебанды.

Сердечный привет — *χαίρε και ёρρωτο* — Ольге Александровне⁷ и Елене Александровне.⁸

Искренно Вам преданный
Илья Голенищев-Кутузов

Дубровник, 28/VIII 1928.

P. S. Понепростительной моей рассеянности я не записал Вашего адреса. Но почти уверен, что не ошибся — *Vossa di Leone 3 (Ultimo piano)*. Очень прошу рассеять мои сомнения и открытку сообщить, дошло ли мое письмо. (Почему-тонадеюсь на Ольгу Александровну).

¹ *Nox Sibillina* (Вечный город новых откровений...) — первое стихотворение из цикла Кутузова *Рим*, посвященного В. Иванову. Цикл полностью напечатан в сборнике поэзии Кутузова *Память* (Париж, 1935).

² Собор S. Ciriaco XII века.

³ Эти впечатления отразились в стихотворении Кутузова *Анкана*.

⁴ Акир (мудрый министр сирийского царя Сенхарива из *Тысячи одной ночи* и герой переведенной в средневековой Руси *Повести об Акире Премудром*) — прозвище Евгения Васильевича Аничкова (1866-1937), историка литературы, критика, специалиста по романским литературам, друга В. Иванова еще по петербургской башне. Аничков был близок к симво-

листским кругам, где, однако, встречал иногда иронически-негативное отношение. Ср. письмо В. Ф. Нувеля к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от 11 августа 1907 г.: "Встретил здесь неисправимого эздека и англомана Аничкова и, к ужасу, узнал, что и он собирается издавать журнал с Вячеславом Ивановичем. Неужели возможно такое противоестественное сочетание?" (*Литературное наследство*, М. 1982, т. 92/3, с. 293). Ср. также записи о нем в *Дневниках* А. Блока (Блок 6), комментарии к публикации *Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях* (там же, с. 27) и комментарии к обращенным к Аничкову письмам В. Я. Брюсова (*Литературное наследство*, М. 1976, т. 85, с. 672-673). Связи Аничкова и Иванова, кажется, всегда были дружескими и короткими. См. в частности *Дневники* В. Иванова (Иванов 2) и комментарии О. Дешарт (там же, с. 780). Статья Аничкова, *На высях. Вячеслав Иванов и его плеяда*, включена в книгу Аничкова *Новая русская поэзия*. Берлин, 1923, с. 42-59 (2-изд. 1969). Об Аничкове см. Е. Спекторский и В. Давац, *Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом*. Белград 1931-41, т. 1-2, а также некрологическую статью В. Мошина, *Славянство, Русь и Византия в трудах Е. В. Аничкова*, "Slavia" 17 (1939-1940), с. 300-304. Ряд писем Аничкова к Иванову хранятся в Римском архиве В. Иванова.

⁵ Поэт Алексей Петрович Дураков (1899 - август 1944), в годы войны сражался вместе с Кутузовым в рядах Югославской народно-освободительной армии, погиб в бою. Печатался в русской зарубежной, а также советской периодике.

⁶ Поэт Ю. Б. Софиев (Бек-Софиев, 1899 -1975), впоследствии реэмигрант; по возвращении в СССР жил в Алма-Ате, много печатался в журнале "Простор". См. о нем Терапиано 1987: 248-251. Стихи Софиева посылались В. Иванову в 1926 г. (см. письмо Е. Л. Таубер к В. И. Иванову от 14 ноября 1926 г. - Римский архив В. И.).

⁷ Ольга Александровна Шор (О. Дешарт, 1894-1978) - близкий друг В. Иванова и впоследствии издатель его сочинений. См. о ней некрологическую статью Д. В. Иванова (Иванов 3: 688-693).

⁸ Е. А. Ковалева, двоюродная сестра О. А. Шор, в первом браке - жена Евсея Давыдовича Шора, впоследствии жена Пельцер, друг многих писателей и политических деятелей русской парижской эмиграции.

2. И. Н. Голенищев-Кутузов - В. И. Иванову

Дубровник, 3-го декабря 1928.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Пишу Вам в Павию, полагая, что Вы уже покинули Рим, куда послал я письмо и стихи, вскоре после моего отъезда. Воспоминания о "Regina Viarum"¹ и о Вас для меня нераздельны и

волнующи. В Риме я был счастлив и, кажется, даже начинал дышать сознательно.

Ныне вокруг меня темно-коричневая аура повседневных забот, но все же порой пронизывается она благостными цветами. Пишу мало. Будут гексаметры об Акире, Aqua Paolo² и Яникуле, стихи о Флоренции, о пережитом и уже отошедшем в глубины памяти. Пока могу лишь показать новую дубровицкую "медитацию" и переделку подражания "Cantica Canticorum".³

Не знаю, суждено ли мне увидеть Вас в следующем году. Miss Destiny, выставляя на показ желтые английские зубы, соблазнительно улыбается и шепчет – In Paris, in Paris...

Все же я еще верен итальянским впечатлениям. Книга о молодости Данте в центре моих занятий.⁴ Попутно поправляю и комментирую перевод "Vita Nova".⁵ Весь октябрь писал я статью о Толстом-художнике (по сербски). Читал публичную лекцию.

С Евгением Васильевичем (он же Акир), не теряю связи. Не теряю также надежды, что ему удастся перетащить меня в университет.

От Дуракова изредка получаю послания. Собирался он даже навестить меня, но, по всей вероятности, не пустила его невеста. Женится он на гречанке и собирается читать Пиндара в подлиннике. Пиндар и Тиртей – предтечи евразийцев!

У Акира, видевшего моего друга и его нареченную, я узнал лишь, к моему великому облегчению, что ее не зовут Ксантипой. В дни белградских русских событий (съездов ученых и писателей), все ходили на поклон к Мережковским. Не соблазнился один Алексей Петрович. Пишет: "Я к Гиппиус, конечно, не пошел, что мне у нее делать. Она все ненавидит, а я все люблю, она все проклинает, а я все благославляю, наконец я хочу писать оды, а она, кажется, за свою жизнь не написала ни одной, и вряд ли напишет. Мои учителя да будут Ломоносов, Державин, Пушкин, Боратынский, Тютчев и Вячеслав Иванов". Разве не прелесть Дураков!

В апреле, по всей вероятности, буду в Белграде по делам. Думаю выступить в Союзе Писателей и, может быть, в Сербском Нар.одном Университете. Разрешите ли Вы мне воспользоваться неизданными Вашими стихами (многое успел я переписать в Риме) и прочесть о Вас лекцию?

В Белграде также думаю начать переговоры относительно моего "Королевича Марко".⁶ Либретто я уже передал Роговскому и он пишет музыку "божественную и демоническую", но чуждую романтизму.⁷ В настоящее время переделываю либретто (русское) на пьесу ("действие") по-сербски.

Передайте пожалуйста мой сердечный привет Дмитрию Вячеславовичу. Надеюсь, что он вполне поправился.⁸

При случае прошу также засвидетельствовать мое почтение и поцеловать ручки Ольге Александровне и Елене Александровне.

Глубоко уважающий Вас,
Илья Голенищев-Кутузов.

¹ Roma для древних "царица дорог" (Regina Viarum) и "новая Троя" – так поясняет В. Иванов название своего первого римского сонета 1924 г. (см. Иванов 3: 850); Кутузов, без сомнения, употребляет данное выражение в ивановском смысле.

² Так с XVI века называется вода одного из древнеримских акведуков, перестроенных папой Павлом V, которая питает грандиозный фонтан близ Понте Систо и оба фонтана на площади св. Петра.

³ Подражание *Песне Песней* ("Подоприте, яблони, меня...") было опубликовано в газете "Последние новости" 1929 № 3116 (3 октября) и затем в кн.: *Сборник стихов*. III. Союз молодых поэтов и писателей, 1930.

⁴ Об этой книге сообщалось в статье *Смена* в "Возрождении" 24 ноября 1931 (№ 2366), подписанной инициалами И.Л.: "Теперь он подготавливает к изданию свое многолетнее исследование *Молодость Данте*".

⁵ Над переводом поэмы *Новая жизнь* Кутузов начал работать с 1921 г. (см. Записные книжки И. Н. Голенищева-Кутузова – Домашний архив И. Н. Голенищева-Кутузова в Москве); известно также, что 12 апреля 1930 г. на литературном вечере *Союза молодых поэтов* он выступал с чтением своего перевода (Beuysac 1971: 274). В 1931 г. он посылает свой перевод на суд Иванова (см. № 13); перевод этот, однако, был утрачен после ареста Кутузова в Югославии в начале 1950-х гг.; переехав в СССР, Кутузов вернулся к *Новой жизни* и напечатал свой вновь сделанный перевод в издании *Данте. Малые произведения*. М. 1968, *Литературные памятники*, с. 7-53 (И. В. Голенищева-Кутузова, устное сообщение). Можно думать, что римские встречи Кутузова с В. И. Ивановым, который

начиная с 1913 г. переводил Данте, в том числе и *Новую жизнь и Божественную Комедию* (см. Иванов 2: 22; 628-29; Davidson 1983: 104-105; Davidson в печати), оказались исключительно важными для дантологических трудов молодого ученого и переводчика. Труды эти завершены Кутузовым в посмертно опубликованной монументальной монографии *Творчество Данте и мировая культура* (М. 1971) и первом полном собрании сочинений Данте на русском языке, подготовленном и изданном Кутузовым в серии *Литературные памятники АН СССР*.

⁶ Речь идет о либретто пятиактной оперы *Марко Королевич*. 8 февраля 1930 г. Кутузов читал *Марко-Королевича* в *Союзе молодых поэтов* (Beussac 1971: 263); фрагмент под названием "Марково богомолье" был напечатан Кутузовым в газете "Россия и Славянство" 1930, 19 апреля. Полный текст либретто Кутузова хранится в фонде Л. М. Роговского в Дубровнике (Югославия). См. Голенищев-Кутузов 1971: 453. Любопытно, между прочим, что в беловом автографе предисловия В. Иванова к *Памяти поэта* называет Кутузова «названным сыном Марка-Королевича»; фразу эту Иванов позднее вычеркнул (фотокопия в римском архиве, к. Г., № 2. л.12)

⁷ Композитор Людомир Михал Роговский (1881-1954), автор одноактных опер и шести симфоний. Известна его книга *Музыка будущего* (Люблин, 1922). В газете "Россия и Славянство" от 21 сентября 1929 г. Кутузов писал: "Роговский закончил в этом году оперу в пяти действиях и девяти картинах – *Королевич Марко*. «...» Я широко воспользовался сербо-хорватскими народными песнями и преданиями «...» Музыка *Королевича Марко*, просветленная и радостная, исполнена страстной любовью к жизни и подлинным мистическим мироощущением. Ночь Европы не имеет уже власти над композитором. Он упоен славянской волей, на нем почил асиянность Востока, не псевдо-татарского, измышленного российскими евразийцами, но древнего, глубинного источника веры, первоначальной колыбели арийского духа".

⁸ В это время Димитрий Вячеславович Иванов, сын В. Иванова, был болен туберкулезом и лечился в Швейцарии.

3. И. Н. Голенищев-Кутузов – В. И. Иванову.

31/III – 1930

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Давно уже собираюсь написать Вам, но что-то мешало мне, останавливало меня. Быть может суеверный страх – прервать заповедный круг римских воспоминаний. Я уже пять месяцев в

Париже. Живу с семьей в Латинском квартале, близ Bd. Saint-Germain. Преодолевая все житейские трудности, пишу тезу у Hauvette-a (автора – L'Introduction à la Divine Comédie) и работаю в Ecole des Hautes Etudes (романская филология).

Осмотрительные редакторы все же начинают печатать мои стихи и статьи. "Римский Офорт" появился в "Современных Записках".

В канун января сделал доклад в Союзе Поэтов¹ – *Лирика Вячеслава Иванова*.² М. О. Цетлин³ предложил напечатать мой доклад в "Современных записках" и просил меня написать Вам – возможно ли напечатать Ваши новые стихи или, хотя бы, втиснуть их "контрабандой" в виде цитат в мою статью? На ту же тему беседовал со мной небезызвестный Вам Оцуп,⁴ редактор новоявленных "Чисел". Наконец недавно с аналогичным предложением обратился ко мне С. Маковский заведующий литературным отделом "Возрождения".⁵ Он хотел бы, независимо от "Современных Записок", получить для "Возрождения" статью о Ваших новых стихах и подробнейшую рецензию о "Дионисе и прадионисийстве". – Мы не столь богаты, чтобы швыряться такими людьми, как Вячеслав Иванов – сказал он мне. Я почти что был принужден обещать статью и рецензию в течении следующего месяца, все же я успел выговорить себе право обратиться к Вам за разрешением. Я не знаю, сочтете ли Вы появление таких статей *своевременным*? Буду с нетерпением ждать Вашего ответа и указаний. Смее надеяться, что Вы мне напишете хотя бы несколько строк. Адрес мой: 2, rue de l'Ancienne Comédie. Paris (VI).

Посылаю Вам два сборника Союза⁶ (в скором времени выйдет 3-й) и мои новые стихи.

Как здоровье Дмитрия Вячеславовича? Вернулся ли он в Италию? Передайте пожалуйста при случае мой сердечный привет и лучшие пожелания милой Ольге Александровне. На мою лекцию пришла Ольга (Николаевна?) Острога.⁷ Пригласила меня к себе. Она, ее муж и сын – очень мне понравились. Получил в подарок "Кормчие Звезды" (у них было два экземпляра). Они Вас, по-видимому, очень любят и хорошо знают.

В прошлом году я был два раза в Венеции. Заканчиваю легенду об Ангельском Папе (чудо происходит перед San-Marco).⁸

Искренно Вам преданный
Ваш Илья Голенищев-Кутузов.

¹ В Париже Кутузов близко сошелся с *Союзом молодых поэтов*, где неоднократно выступал (см. Beuysac 1971); в частности, 22 декабря он говорил вступительное слово на Вечере устных рецензий на второй сборник стихов *Союза* (Beuysac 1971: 254).

² Доклад о В. Иванове на собрании *Союза молодых поэтов* Кутузов читал 25 января 1930 г. (Beuysac 1971: 260).

³ М. С. Цетлин (1882-1946) фактически был заведующим отдела стихов "Современных записок" (Струве 1984: 26).

⁴ Николай Авдеевич Оцуп (1894-1958), поэт и критик, в 1930-1934 г. редактировал "Числа". См. Terras 1985: 326; Терапиано 1987: 172-175; Струве 1984: 213-218

⁵ Поэт, критик и издатель С. К. Маковский (1877-1962) был заведующим литературно-художественным отделом газеты "Возрождение" в 1926-1932 гг. См. Терапиано 1987: 181-186; Terras 1985: 269. Его воспоминания о В. Иванове вошли в книгу *Портреты современников*. Нью-Йорк, 1955, с. 269-310.

⁶ Пять *Сборников стихов* издательства Союза молодых поэтов и писателей вышли в Париже в 1929-1931 гг. См. Ossorguine-Bakounine 1976, № 1234.

⁷ Ольга Острога (в девичестве Никитина, 24 июня 1878, Рязанская губ. – 10 мая 1947, Женева) стала близким другом семьи В. Иванова еще в Женеве в начале 1900-х гг. В феврале 1904 г. ее мужем стал композитор и профессор фортепьяно и гармонии женевской консерватории Феликс Острога (17 июня 1867, Люцерн – 15 апреля 1936, Турен; сведения в письме Ю. Острога к Д. В. Иванову от 13 мая 1974 г., Римский архив В. И.), учивший дочь В. Иванова Лидию (впоследствии ставшую композитором) музыке. См. Л. В. Иванова *Воспоминания о Вячеславе Иванове*, "Новый журнал" № 147 (1982), с. 137, 143. В 1904 г. – без сомнения, при посредничестве В. Иванова – предполагалось напечатать статьи Ф. Остроги о Вагнере в "Весак" (см. письма В. Иванова к В. Я. Брюсову от 1 ноября/19 октября и 29/16 ноября 1904 г. и комментарии к ним С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и Н. В. Котрелева в публикации переписки В. Иванова с В. Брюсовым в кн.: *Литературное наследство*, М.1976, т. 85, с. 464, 468-470); в следующем году журнал публикует "Письмо из Женевы. Музыкальный сезон" Ф. Остроги. Ряд писем Ф. Остроги и его жены к семье В. Иванова хранятся в ГБЛ и в Римском архиве В. И.

⁸ Речь идет о произведении *Papa Angelicus*, напечатанном в "Журнале содружества" 1935, № 8, с. 30-31.

4. В. И. Иванов – И. Н. Голенищеву-Кутузову

24 апреля 1930

Дорогой Илья Николаевич,

Благодарю Вас за дружескую память и неизменно доброе ко мне отношение. Вы очень обрадовали меня вестью о себе из Парижа, где Вам и надлежит теперь работать; ответ мой замедлила поездка в Рим на концерт в Augusteo, где исполнено было и имело большой успех сочинение моей дочери *Тема с 9 вариациями для оркестра*, на текст "Rorate coeli desuper".¹ Вот Вам одна новость о нас. Моя лично жизнь остается неизменной; разве что вышла в Германии, у Зибек-Мор в Тюбингене, заново переработанная мною *Die russische Idee*. Что касается сына, он все еще в давосской санатории, откуда должен осенью быть переведен пансионером в известный швейцарский, руководимый бенедиктинцами, лицей в Engelberg, потому что состояние его здоровья теперь позволяет продолжение занятий. Простите великодушно, что давно – т. е. своевременно — не написал Вам, а писал о Вас Степуну,² присовокупив то Ваше стихотворение — белые стихи, которое мне очень полюбилось, и, кажется, еще что-то. Я рад, что вы сошлись наконец с Совр<еменными> Записками. Отвечая на Ваш вопрос, скажу Вам, что, хотя и не повинуюсь вызову в Россию, однако предпочитаю быть верным своему обещанию, в силу которого был отпущен за границу, — не участвовать в эмигрантской печати.³ В своих статьях однако Вы можете сообщить кое-что (немногое, впрочем) из моих неизданных стихов, не упоминая во всяком случае что имеете на это особое разрешение автора: естественно, что стихи поэта ходят по рукам в списках. Протестовать против предполагаемой дружеской indiscretion (допустимой, повторяю, в очень ограниченных размерах) я не буду – вот и все. А за ревность Вашу о моей музе большое Вам от души спасибо. Очень приятно мне, что воскресают из моего прошлого милые супруги Остроги. Или сообщите их адрес (ибо я надеюсь, что Вы поддержите с ними знакомство), или Вы получите письмецо к ним от меня и моей дочери, которое не откажите им передать.

Нужен мне также *очень* адрес Андрея Ивановича Каффи.⁴ Сборники Союза, о которых Вы пишете, я не получил. Журналов парижских (русских) не вижу. Благодарю за сообщенные стихи; только не все в них мне нравится*: все еще не завоевана maestria, все еще нет настоящей строгости, художнического трез-

вения,⁵ простоты вожденной, благодатной. Простите il veschio brontolone,⁶ который в вас верит. Обнимаю Вас с любовью

Вяч. Иванов

* По моему: гвоздь *ржавет*, топору говорить не полагается, Амен "никогда" не раздастся над морем (а разве "Angelus") "блаженство почитать, пораженный роком" — галлицизм недопустимый; Мистраль в Анконе недопустим географически⁷ — и т<ому> под<обное>.

¹ Партитура темы и вариаций на текст Исаяи (45, 8) "Rorate Coeli desuper et nubes pluant Justum..." (Кропите, небеса, свыше, и облака да проливают праведника...) опубликована издательством Ricordi, Milano 1928.

² Философ, писатель, историк литературы и публицист Ф. А. Степун (1884-1965), друг В. Иванова эпохи петербургской башни и автор воспоминаний и статей о нем (см. *Бывшее и несбывшееся*, т. 1, Нью-Йорк 1956; *Встречи*, Мюнхен 1962 и главу Wjatscheslav Iwanow. *Der russische Europaer* в кн. *Mystische Weltshau*. München 1964, с. 201-278). В 1926-1937 был профессором в Дрездене. Он был постоянным сотрудником и фактическим литературным редактором "Современных записок" (Струве 1984: 52). О Степуне см. Зернов 1973: 128-129.

³ Действительно, В. Иванов не сотрудничал в русской эмигрантской печати вплоть до 1935 г., когда отказался от советского гражданства; ср. из автобиографического документа в Римском архиве: "all'estero, essendomi per ottenere un passaporto a Mosca, impegnato a non collaborare da scrittore cogli emigrati, io m'astenevo dal pubblicare il poema fino all'acquisto della cittadinanza italiana...". Любопытно отметить, что одновременно В. Иванов не хотел публиковать свои произведения и в СССР. Ср. письмо В. Иванова М. Горькому от января-февраля 1928 г.: "Вячеслав Иванов прислал своему другу Г. Чулкову стихи, отличные стихи. Чулков принес их нам, я хотел их напечатать и думаю — неужели автор будет протестовать, послал ему телеграмму с просьбой напечатать. Он живет в Риме. И получил такой ответ: "Печатать нельзя, стихи готовятся для посмертной книги" ("Новый мир" 1965, № 11, с. 249).

⁴ Сын обосновавшегося в Петербурге итальянца, художественного сотрудника Мариинского театра, А. И. Каффи (1886-1955) был носителем русской и главных западноевропейских литератур; его родными языками были итальянский и русский. Социалист-антисталинист с самого начала 1920-х гг., едва не поплатившегося за это московской тюрьмой, социалист-либертарий, не принимавший никаких партийных или идеологиче-

ских диктатов, человек *конвивиальный*, скорее слова, чем пера, в некотором роде сократический, с огромной эрудицией, оказавший большое влияние на друзей и учеников (таким помнит его Д. В. Иванов), Каффи познакомился с В. Ивановым в Италии и в 1928 г. начал переводить на французский язык его книгу *Дионис и Прадионисийство*; об отношениях Каффи к В. Иванову ср. из письма Каффи от 11 февраля 1928 г.: "Трудно Вам выразить, скольким я чувствую себя обязанным Вам и в нравственном (пример личности в буре житейской) и в идейном отношениях (множество "аспектов" мира идей и значений открылись разговаривая с Вами)" (Римский архив В. И.). О Каффи см. Gino Bianco, *Un socialista "irregolare": Andrea Caffi intellettuale e politico d'avanguardia*, Lerici 1977; из сочинений Каффи, касающихся России и СССР, см. *Scritti Politici*, Firenze 1970.

⁵ Явный парафраз исихастского термина *духовное трезвение*. Ср.: «Пушкин не был "мистиком", особенно в современном смысле этого неразборчиво употребляемого слова. Как "отцы-пустынники", он предпочитал духовному хмелю духовное трезвение» (*Два маяка* - Иванов 4, с. 342; ср. с. 383). Термин этот важен для концепции реализма (или мистического реализма) культуры русского символизма, в первую очередь В. Иванова и о. Павла Флоренского (См. Н. К. Бонецкая, Вступительная заметка к публикации *Флоренский о литературе*, "Вопросы литературы" 1988, №1, с. 151-2 и А. Б. Шишкин, *Реализм В. Иванова и о. Павла Флоренского* (в печати). Ср. также: "Блок – великий мистический поэт – был и великим реалистом. У него было то *духовное трезвение* (по словам *Добротолубия*), которое позволяло ему и видеть недоступное нам, и предчувствовать, как оно должно отразиться на земле" (Надежда Павлович. *Из воспоминаний об Александре Блоке*. В кн.: *А. Блок в воспоминаниях современников*. М. 1980, т. 2, с. 398). О значении, которое получает у Блока патристический термин ср. статью С. Н. Бройтман. *Источники формулы «нераздельность и неслиянность» у Блока*. В кн.: *Александр Блок*. Исследования и материалы. Л. 1987, с. 79-88.

⁶ *Старого ворчуна* (итал.).

⁷ В. Иванов пишет о стихотворениях Кутузова *Меланхолия* и *Анкана*. Они были напечатаны в сборнике *Перекресток*. Париж 1930, с. 7-9 и в книге Кутузова *Память*. Париж 1935, с. 43, 63. Вот как они читаются в рукописном автографе:

Меланхолия
На мотив из Альбрехта Дюрера

И нож зазубрился, и циркуль сломан
Ржавеет гвоздь, безмолвствует топор.
Веселых цехов стих упорный гомон;
И недостроеный стоит собор.

О преткновения равносторонний камень
О равноденствие!

А на море, вдали,

Над мертвой зыбью раздается Атеп
Но парусам не верят корабли.

Немотствуют таблицы тайных знаков,
И червь грызет пергамент вещей книг,
Лишь там, где некогда вселенской славой
Сияла сладострастная Венера,
Мерцаешь ты, вечерняя звезда.
Твой отдаленный облик поражает
Высокое бездействие в сердцах.

О Меланхолия! В венке из бледных маков
Здесь, на земле, твой действенный двойник,
В одеждах белых чудная химера,
Очами полыми глядит туда,
Где пролетает нетопырь костлявый
И на его готических крылах
Твое святое имя прославляет
Магическая натпись. <так!>
1930.

Анкона

Оранжевый парус, в пол небосклона,
Диск лучезарный дня сокрыл.
И я увидел тебя, Анкона,
При первом блеске вечерних светил.

Там подо мною, янтарно лиловый
Полог бледнел небесной парчи.
И город мерещился средневековый,
И в стеклах собора умирали лучи.

И в каменных доспехах молодой кондоттьере
На гранитной гробнице в притворе лежал,
А вокруг романские грозил звери —
Оскалом клыков, остриями жал.

О блаженство почить, пораженный Роком,
— Ничего не надо, никого не жаль —

В приморском соборе на холме высоком,
Где листья лампы колеблет Мистраль.

Осушив до дна безнадежности чару,
С улыбкой предсмертной глядеть — как скользят
Огромный оранжевый парус
К закатным садам Гесперид.
1929.

5. И. Н. Голенищев-Кутузов — В. И. Иванову

26/VI 1930

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Не отвечал Вам сразу так как ждал выхода третьего сборника Парижского Союза Поэтов и еретического альманаха *Перекресток*. Вместе с этим письмом посылаю Вам обе книжки на поругание. О Вас написал две статьи (одна посвящена Дионису, другая — лирике). Они уже пристроены (в *Возрождении* и в *Современные записки*). Вскоре должны появиться.

Меня еще на год оставили в Париже с условием защищать тезу в мае 1931.

Так как мне удалось найти несколько неизданных переводов Петрарки (*senilia* — *ultima epistola a D. J. B.*), я решил в спешном порядке закончить работу *Les manuscrits français de Griseldis de Petrarque. Etude critique et littéraire* во вкусе Ecole des Hautes Etudes Historiques et Philologiques, где я удостоен званием — *élève titulaire* (Работаю у проф. Рока,¹ редактора *Romania*).

Книга о молодости Данте будет написана позже. Многого придется изменить. Но все же от начатого не отрекаюсь.

В стихах моих кое-что исправил, сообразно с Вашими указаниями. Так ударение ржавѣет (теперь: заржавел). Относительно же *Amen* в том же стихотворении (*Меланхолия*) остаюсь при особом мнении, в виду идеологического расхождения, чья причина — мои ереси и несовершенство (духовное). После долгих размышлений я убедился, что в пьесе *Анкона* я употребил слово *мистраль* — зря, смешав его с *маэстралем* (распространенным не только в Венеции и на Адриатическом побережье Италии, но и в Далмации). В следующем "издании" — поправлю.

Вообще Ваши указания мне чрезвычайно ценны и всегда меня радуют, даже тогда, когда обнаруживают слабые мои стороны и многие несовершенства.

Теперь, увлекаясь "новыми" метрами, корплю над гекзаметрами и ямбическими триметрами.

Посылаю Вам в письме несколько стихотворений - новых и старых, подвергшихся обработке. Мне очень хотелось бы, чтобы Вы написали, что о них думаете и в чем их недостатки.

Надеюсь, что здоровье Дмитрия Вячеславовича лучше. Передайте пожалуйста мой сердечный привет ему и милейшей Ольге Александровне (при случае).

Искренно Вам преданный

Илья Голенищев-Кутузов

2, rue de l'Ancienne Comédie. Paris VI.

¹ Mario Roques (1875-1961), известный филолог-романист.

6 И. Н. Голенищев-Кутузов – В. И. Иванову.

31 июня 1931, Париж.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Я получил сегодня письмо Глеба Петровича Струве,¹ сына П. Б. Струве.

Он просит меня написать Вам и запросить Вас, согласны ли Вы, чтобы "Россия и Славянство" напечатало в русском переводе Ваше письмо к Charles Du Bos (появившееся в сборнике *Vigile*). Мне кажется, что я не буду нескромным, переслав Вам попросту письмо Г. П. Струве ко мне, из которого Вам будет вполне ясно в чем дело. Очень прошу Вас ответить как можно скорее, хотя бы несколько слов. Я постоянно пишу в "России и Славянстве" (главным образом о югославянской литературе) и мне хотелось бы оказать редакции посильную услугу; они же очень хотят напечатать Ваше письмо. Желание их мне кажется вполне понятным и законным.

Я пока что еще в Париже, где останусь, по всей вероятности, до Рождества. Большая половина моей франц<узской> диссертации написана. Книга будет озаглавлена: *L'histoire de Griseldes en France au XIV et XV siècle*. Работаю у профессора Рока в Ecole des Hautes Etudes. Думаю защищать дис-

сертацию в декабре. Потом придется вернуться в Югославию под сень Евгения Васильевича. Его, кстати, скоро увижу, так как он приезжает в Париж на все лето.

Пишу очень мало; мешает научная работа (начало *огорода*) – und pflanzte mühsam die Citaten! ²

Все же осмеливаюсь послать Вам стихотворения. Начал также писать прозу и даже печатать.³

Передайте пожалуйста сердечный привет и наилучшие пожелания Ольге Александровне и Дмитрию Вячеславовичу.

Глубоко уважающий Вас

Ваш И. Голенищев-Кутузов.

36, av. de Chatillon, 36. Paris XIV

¹ О Глебе Петровиче Струве (1898-1985), поэте, журналисте, литературном критике и историке литературы см., в частности, О. Раевская-Хьюз, Г. П. Струве. "Вестник РХД" № 145 (1985). В 1928-34 гг. при его участии выходила газета "Россия и Славянство".

² С трудом выращивал цитаты (нем.).

³ Из прозы Кутузова, опубликованной в начале 1930-х гг., можно назвать рассказы *Легенда о четвертом маге (Россия и славянство, 10 января 1931 (№ 111), Леталия (там же, 11 апреля 1931, № 124) и Марня ("Возрождение", 11 апреля 1931, № 2505).*

7. В. И. Иванов – И. Н. Голенищеву-Кутузову.

24.VI. 1931

Дорогой Илья Николаевич,

В деловом и срочном порядке пишу Вам этот ответ на деловой ваш запрос. Письмо к Ch. Du Vos написано по французски; напечатанный текст и есть его оригинал; русской редакции нет ни на бумаге, ни у меня в голове; перевести его на русский язык было бы и для меня самого делом очень не легким, п<отому> ч<то> каждое слово в нем ответственно, – взвешено в смысловом отношении, нюансировано в психологическом. А так как *Письмо* естественно будет предметом обсуждения, и, вероятно, полемики, где каждое лыко берется в строку (так и следует!), то необходимые цитаты надлежит давать в оригинале, т<о> е<сть> по французски. Я желаю, чтобы

мои слова, обращенные в нем к русской эмиграции, были ею услышаны; но обращаюсь я к тем кругам, которые французскую речь хорошо понимают; иначе я озаботился б изданием русского мною самим подготовленного или выверенного и авторизованного перевода; но это, пока что, не в моих намерениях. Итак, со своей стороны, согласия на перевод дать не могу. Если бы таковой все же был напечатан без моего не только участия, но и согласия, то уже во всяком случае я не мог бы считать себя ответственным за приписанные мне переводчиками выражения, а следовательно и утверждения, ибо подлинный смысл всякого утверждения неразрывно связан с его формой. Итак, цитаты в подлинниках – в данном, моем случае – *conditio sine qua non* корректной полемики и добросовестного изложения. Но и мое, личное согласие на перевод (которого я однако не даю) было бы недостаточно. "Письмо" принадлежит тому, кому оно написано и отдано; написано же оно и отдано Шарлю Дю Бос для Vigile, издателем и правомощным собственником коей является l'éditeur Grasset: без разрешения этих двух лиц перевод не мог бы появиться в печати, его обнародование должно было б предваряться заметкою: печатаем де *наш* перевод, автором *не* авторизованный, с разрешения гг. Дю Бос и Грассе. Повторяю, что обсуждение мне было бы желательно при сохранении подлинной формы моих утверждений. Вот и все о *деле*. Глубоко и мучительно сознавая свою огромную вину перед Вами – вину гробового молчания, как если бы я был мертвым телом, которое Вы, любимый друг мой, осыпали душистыми цветами, обещаю вслед за этими новые строки – обо всем, чем сердце живо, – которые уже и собирался Вам слать, теперь же заочно Вас обнимаю.

Неизменно Ваш и Вам благодарный

Вяч. Иванов.

Черкните мне еще и пошлите еще стихов – и ... прозы!!

8. И. Н. Голенищев-Кутузов – В. И. Иванову

<9 июля 1931 г., Париж>

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Вот пишу Вам снова и этот раз по глубоко личному делу. Хочу издать книгу стихов. Почти что нашел издателя, что по нашим обстоятельствам все равно как чудо. (Правда ли, впро-

чем, что Блок назвал свою книгу "Нечаянная радость", найдя издателя, или *legenda aurea*?).¹

Под величайшим секретом сообщаю Вам, что издатель – Рахманинов ("Таир").²

Книгу назову : *Память, ибо –*

из озера Памяти плещут

*Влаги студеной струи.*³

Буду печатать лишь то, что считаю лучшим (4 листа, не больше).

Мне очень хотелось бы иметь Ваше *предисловие*, хотя бы самое краткое. Равным образом Рахманиновскому издательству. Я уверен, что по внутренним причинам Вы согласились бы, но я не знаю, возможно ли по внешним? Правда, я не живу по нансеновскому паспорту, но все же печатаюсь во всех эмигрантских изданиях. Я не смею настаивать и прошу лишь извинить меня, если просьба моя покажется Вам неуместной.

Посылаю Вам два моих прозаических опыта. Подготавливаю книгу рассказов: *Огонь над водами*.

Мне хотелось бы поставить эпиграфом на книгу стихов какое-либо латинское двухстишие об озере Памяти (или Мнемозине). Может быть из Вергилия? Я буду Вам очень благодарен, если сообщите мне нужный мне эпиграф, который, боюсь, будет лучше, чем все остальное.

Стихов почти не пишу, т<ак> к<ак> все время поглощено научной работой: необходимо все закончить к декабрю.

В Париж приезжает на все лето Евгений Васильевич. Вышла его книга о Иоахиме.⁴

Передайте пожалуйста мой сердечный привет добрейшей Ольге Александровне и Дмитрию Вячеславовичу.

Искренне Вам преданный,

Илья Голенищев-Кутузов.

36, av. de Chatillon, 36. Paris XIV

¹ Название книги Блока обладает сложным ореолом значений: *Нечаянная Радость* – именование иконы Богоматери, которая висела в доме Блока, причем необходимой коннотацией здесь является сказание об иконе *Нечаянная Радость* Дмитрия Ростовского; одновременно это один из ключевых терминов статьи В. С. Соловьева *Тайна прогресса*, которую читал Блок. См. Д. М. Магомедова. А. А. Блок, *Нечаянная Радость* (источни-

ки заглавия и структура сборника). В кн. А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX в. (Блоковский сб. VII), Тарту 1986, с. 48-61.

² Издательство "Таир" принадлежало сестрам Рахманиновым.

³ Это строки из *Энеиды* Вергилия в переводе В. Иванова, цитируемые им в кн. *Дионис и Прадионисийство*. Баку 1923, с. 160. Как указывает здесь В. Иванов, это часть текста, начертанного на золотых пластинках, "которые клались с покойником в гроб в орфических общинах".

⁴ Joachim de Flores et les milieux courtois. Roma 1931.

9. В. И. Иванов – И. Н. Голенищеву-Кутузову

17. VII. 31

Дорогой Илья Николаевич,

Так и не собрался еще написать Вам, согласно обещанию, будучи чрезмерно занят, но вы предупредили меня письмецом от 9 июля, на которое спешу Вам ответить. Рад, что Вы издаете лирический сборник – и так как Вы хотите иметь к нему мое предисловие, уведомляю Вас о своем согласии; но для этого мне необходимо иметь полный текст предполагаемого сборника. Должен также предупредить, что написать предисловие было бы очень затруднительно, если б в сборнике оказались стихи прямо и открыто политические, – чего я зная Вашу лирику, не предвижу. Спасибо за присланные газетные вырезки, в которых еще толком не разобрался, не имея ни минуты свободной: перед скорым отъездом в Швейцарию столпились густо многочисленные и разнообразные дела, и тут же пришли вороха корректур, как всегда, безотлагательных и, как всегда, трудных для меня, потому что я изменяю свои тексты во время их печатания без конца. Обнимите от меня со всею любовью Евгения Васильевича и поздравьте его с выходом в свет *Иоахима* – для меня это большая радость. Как идет Ваша интересная работа? И почему Вы оставили труд о Петrarке в современной ему Франции?¹ Андрей Иванович Каффи (Andrea Caffi) хотел с вами познакомиться, а также встретиться с Евг<ением> Вас<ильевичем>; адрес его: Versailles, Villa Romaine, Avenue Douglas Haig 8.

Латинского поэтического эпиграфа, выражающего орфическую мысль: "Из озера Памяти плещут влаги студеной струи"

(как я перевел *les tablettes orphiques*) – не могу Вам дать: кажется, ничего по латыни об этом и нет*.

Дружески Ваш

Вячеслав Иванов.

* У Вергилия души, возвращающиеся на землю, пьют из Леты, чтобы забыть Элисий и захотеть снова облечься в земные тела; но об источниках Памяти он не упоминает: это представление исключительно орфическое.

¹ Труд *L'Histoire de Griseldis en France aux XIV et XV siècles* вышел из печати в 1933 г.

10. И. Н. Голенищев-Кутузов – В. И. Иванову.

<конец июня — начало июля 1931, Париж>

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Посылаю Вам рукопись книги, которую хочу издать в октябре. Список этот, повидимому, окончательный; может быть прибавлю еще два-три, пока недописанных, стихотворения.

Сердечное спасибо за согласие написать предисловие. В Поэзии Вы мой крестный отец. Посвящали меня – *Amor, Roma*¹ и Вы.

Мне очень хотелось бы знать, что Вы думаете о последних моих стихах? И о прозаических попытках? Большинство пьес в сборнике Вам знакомы, но есть несколько переделанных и недавно написанных, которых я Вам не посылаю.

Мы с Евгением Васильевичем читали вместе статью Кюфферле.² Может быть следовало бы ее перевести (для "Чисел") с Вашего согласия (и согласия автора)?

С А. И. Каффи я знаком. Видел его несколько раз у Вас в Риме. Я ему на днях напишу и позову к себе распить бутылку кьянти.

Сердечный привет Ольге Александровне (где она? и что пишет?) и Дмитрию Вячеславовичу.

Искренне Вам преданный

Ваш Илья Голенищев-Кутузов.

P.S. Может быть с моей стороны не будет слишком дерзновенно поставить эпиграф об Озере Памяти по-гречески? А под ним дать Ваш перевод из *Диониса*?³

P.P.S. Явно политических стихов у меня в сборнике нет. "Ювеналов бич" мне Музы не вручили – к счастью.

¹ Amor-Roma – классический палиндром.

² Речь идет о статье *Visita a Venceslao Ivanov*, которая появилась в "Corricra della Sera" 1931, 15 luglio. Кюфферле (Rinaldo Küfferle, 1903 - Петербург 1955), в годы революции эмигрировал из России, итальянский поэт, переводчик, журналист, с середины 1930-х гг. антропософ. Переводил мелопею В. Иванова *Человек (L'Uomo, Milano 1946)*, а также Д. Мережковского, А. Пушкина, Расина, Гете, Р. Штейнера и др. См. о нем S. Schwarz Colomi, *Ricordo di Rinaldo Küfferle, "Antroposofia" 1958, 2, p. 48-56.*

³ Книга Кутузова вышла без эпиграфа.

11. И. Н. Голенищев-Кутузов – В. И. Иванову.

12/VIII 1931

36, av. de Chatillon, Paris XIV

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Дошла ли до Вас моя рукопись?

Я полагаю, что Вы уже в Швейцарии, но что Вам все же пересылают письма?

Я окончательно договорился с издательством. Повидимому, придется печатать не 4 листа, а всего 3. Поэтому придется исключить несколько стихотворений. Впрочем, может быть, это и к лучшему.

Нужно ковать железо, пока горячо. Я приступлю к печатию как *только получу предисловие*, которое Вы мне любезно обещали. Не стану скрывать от Вас, что с Вашим предисловием издательство Рахманинова берет мою книгу гораздо охотнее, чем без онаго. Простите мою настойчивость, но мне было бы чрезвычайно важно знать, когда я смогу бы получить Ваше предисловие. Не менее важно для меня знать, *что Вы думаете о моей книге*. Жду с нетерпением Вашего ответа.

Здесь в Париже проф. Ганчиков.¹ Я ему напишу и мы увидимся. С Каффи также. Искренно Вам преданный, Ваш

И. Голенищев-Кутузов.

Пожалей, о сердце, пожалей
Безнадежный призрак мирных дней.
Ты волны ликующей вольней!

Солнцем ли иль бледною луной
Твой нарушен горестный покой.
И само не знаешь что с тобой.

О скажи, куда меня влечешь?
И какую освящаешь ложь?
На тебя давно я не похож.

Я глядел, расчетливый мудрец,
На поля, где сеятель и жнец,
На стада покорные овец

И труды и радости, и сны
Были мне прозрачны и ясны,
Словно глубь морской голубизны.

А теперь все пенье, все полет.
И потерян в бездне верный лот,
В океане тонет жалкий плот.

И как огненный эдемский меч,
Из меня встает до неба смерч
Чтобы узы смертные рассечь.

* * *

Бледной Селены лобзания
Сердце пронзают.
В зеркале вод сочетания
Обликов сладостных таят.

Облако тонкое, дальнее.
Ты ли стезей неземною
Лунной свирели печальнее
Тихо скользишь надо мною?

Маревом легким не скроешься,
 О, златострунное,
 В солнечном сердце покоешься,
 Сонное, лунное.

И.Г.К.

P.S. Закончил легенду о последнем папе, о котором Вам говорил (*Papa Angelicus*).²

¹ Леонид Федорович Ганчиков (1893-1968), ученик А. Бороздина, С. Венгерова, И. Гревса и Л. Карсавина по Петербургскому университету, в 1918-1920 – офицер Добровольческой армии, с адмиралом Врангелем покинул Россию. Во время последовавших 18 месяцев пребывания в лагере для перемещенных лиц в Галиполи “испытал настоящую духовную потребность попытаться преодолеть историческую конкретность ... с помощью высшей и универсальной рефлексии”; отсюда последовало обращение к философии (автобиографический документ 1935 г. в Римском архиве В. И.; оригинал по итальянски). В 1924 г. получил стипендию папы Пия XI и приехал в Италию; в 1927 г. закончил Миланский католический университет, защитив дипломную работу *Фундаментальные принципы Владимира Соловьева*. По словам Ганчикова, его концепция художественной критики – философской и в этом качестве теургической, исходящей из позиции трансцендентного реализма Платона, Аристотеля и средневековых мыслителей – была ориентирована на русскую критическую традицию, В. Соловьева, Д. Мережковского и В. Иванова (см. автобиографический документ). В Иванову Ганчиков посвятил статью *A realioribus ad realia* в “*Sonveglio*” 1934, р. 352-362. Ряд писем его к В. Иванову хранится в Римском архиве поэта. О научных трудах Ганчикова см. некрологическую заметку Э. Ло Гатто, *Leonida Gančikov*, “*Ricerche Slavistiche*” XVI (1968-1969), pp. 287-289.

² Это стихотворение напечатано в “Журнале Содружества” (Выборг 1935).

12. В. И. Иванов – И. Н. Голенищеву-Кутузову

24. VIII. '31

Дорогой Илья Николаевич,

Посылаю в Ваше распоряжение мое Предисловие. Не печатайте его, если оно по чему-нибудь Вам не по сердцу или может повредить Вам (чего я боюсь) и успех Вашей книги затруднить. Простите, что посылаю его только теперь; но что-

бы закончить его, я отложил на два-три дня мой отъезд в Швейцарию. Одновременно возвращаю рукопись, где Вы найдете несколько замечаний на полях. Желаю от души удачи изданию! Привет Евгению Васильевичу: что он скупится на экземпляр своей книги для меня?

Всем сердцем Ваш

Вяч. Иванов.

Адрес остается: Collegio Borromeo, Pavia.

P.S. Seriously and earnestly I ask you not to print the preface, if it should turn out to be unsuitable. Do not be afraid to offend me with this: on the contrary, this will be proof of your friendship, trusting closeness to me, our real solidarity. Think about it as follows, before deciding to print. My name for many is one, and I do not want you to lose it from this. ¹ В.И.

¹ Ср. в предисловии В. Иванова: "Во избежание недоразумений, полезным кажется мне предупредить, что Илья Николаевич Голенищев-Кутузов вовсе не мой ученик (как не был моим учеником и покойный Валериян Бородаевский, чей самобытный дар я отметил и пытался определить в предисловии к его сборнику, – что, кстати, немало повредило ему на журнальной бирже поэтических ценностей)".

13. И. Н. Голенищев-Кутузов – В. И. Иванову.

23/IX 1931

36, av. de Chatillon, Paris XIV

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Я получил Ваше Предисловие к моей книге и рукопись с Вашими заметками. Я узнал, что Вы имеете власть проникать в сокровенные горнища сердца, что Вам дано ранить и исцелять людские души, но такого проникновения в мое сердце и такого магического воздействия на мое воображение я не ожидал. Мне порой казалось, когда я перечитывал Вами написанное, что Вы лучше понимаете мою сущность и мой путь, и все препятствия на этом пути, чем я сам. Я не знаю, следует ли благодарить Вас – мое уважение к Вам переросло в благодарность, уважение уже меркнет в лучах моей любви к Вам, любви сыновней и неизменной.

Я переживаю эти последние два месяца странные, еще не вполне мною осознанные состояния. Думаю, что Дионис на время одолел Аполлона в моей душе. Что-то оборвалось во мне и родилось нечто новое, и радость моя мешается с ужасом. Поэтому мне трудно писать (я слышу лишь стихи). Все, что считаю лучшим из мною услышанного (подслушанного у сердца) посылаю Вам. И мне было бы бесконечно дорого, если бы Вы согласились написать мне хоть несколько строк о Вашем впечатлении от моей *Vita Nova*.

Глубокоуважающий и любящий Вас
Илья Голенищев-Кутузов

P. S. Передайте пожалуйста мой сердечный привет Ольге Александровне. Ей будет посвящено в Памяти стихотворение Парки ("О дважды дано нам родиться - И Логос наследует плоть..."). О заметках Ваших, столь ценных и проникновенных, напишу "по статьям" подробно, когда вновь овладею Аполлоновым началом. ИГК

Все эти новые стихи войдут во вторую книгу "Звезда-Денница"

P. P. S. И. И. Фундаминский (Бунаков)¹ очень просил меня обратиться к Вам, не согласитесь ли Вы прислать стихи для "Современных Записок". Они сами не решаются к Вам обратиться. Мой новый адрес (с 1-го октября): 27, rue des Bernardins, Paris V. Я дал в *Современные Записки* легенду в прозе *Papa Angelicus*. Теперь судьба моя в руках Степуна!

¹ Илья Исидорович Фундаминский (1879-1943), один из издателей-редакторов журнала "Современные записки" (1920-1940); благодаря его финансовой инициативе в 1930-е годы издавались сборники "Русские поэты" (см. Н. Берберова. *Курсив мой. Автобиография*. Мюнхен 1972, с. 347; *Зернов* 1973: 24). Фундаминскому посвящена тонкая и содержательная глава в воспоминаниях В. С. Яновского *Поля Елисейские. Книга Памяти*. Нью-Йорк 1983, с. 77-101. Ряд писем Фундаминского к В. И. Иванову хранится в Римском архиве В. И.

14. И. Н. Голенищев-Кутузов – В. И. Иванову

30ЛХ 1931

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Спешу Вам сообщить, что с 1-го числа я буду жить не на *rue des Bernardins*, как Вам писал, а на *rue St. Jacques*. Таким образом мой новый адрес:

216, rue de Saint Jacques, 216
hotel des Nations
Paris V.

Мне было бы очень радостно, если бы Вы написали мне несколько слов о новых моих стихах.

Книга моя выйдет, по всей вероятности, к началу ноября. В Париже я остаюсь до января. Е. В. Аничков просил передать Вам сердечный привет; он на днях уезжает обратно – в Македонские дебри, праздновать осеннего Диониса!

Я же, в свободные и праздные минуты перевожу... элегии Проперция, для успокоения мятущегося духа и очищения от "миазмов".

Искренне и глубоко вам преданный,

Ваш И. Голенищев-Кутузов.

15. И. Н. Голенищев-Кутузов — В. И. Иванову

Белград. 3. 02. 35 г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Наконец книга моя вышла. Я уже было потерял надежду. Но писатель предполагает, а издатель располагает. "Память" без малого три года пролежала в наборе. Посылаю Вам книгу (еще два экземпляра выйдет Вам издательство из Парижа).

Я не могу Вас благодарить за Ваше царственное предисловие, которого я, право, недостоин. Все слова благодарности кажутся обедненными. Если бы я мог сказать, как Данте –

O degli altri poeti onore e lume,
Vagliami il lungo studio e 'l grande amore
Che m'ha fatto cercar lo tuo volume.
Tu se' lo mio maestro e 'l mio autore...¹

(цитировать два следующих стиха² не позволяет мне благочестивая Память!).

Из-за позднего выхода книги (издательство "Парабола" берлино-парижское; издатель же Каплун³ – параболический

Каплун!) мне пришлось прибавить с десятков стихотворений Вам неизвестных, написанных позже – простите великодушно!

Отобрал для Вас 18 новых моих стихотворений – те, что мне кажутся лучшими – из будущей книги *Огонь над водами*. Мне *бесконечно важно*, чтобы Вы мне написали о новых моих стихах (если не Вашим мнением – чем я измерю, вне себя, беспристрастно, путь, мною пройденный?)

Теперь о внешнем в моей жизни: в 1932 году осенью я вернулся из Парижа в Далмацию. Весной 1933 поехал опять в Париж и докторировал. (Вам теза моя была послана издательством). В мае 1934 меня выбрали приват-доцентом одновременно в Белграде и Загребе. Я предпочел Белград, где и нахожусь теперь.

Читаю лекции о старофранцузском языке и даю уроки в одной из белградских гимназий. Работы очень много; материально живется не слишком легко, но есть надежда на лучшее будущее. Студентов у меня много (свыше ста), проявляют интерес – читаем старые тексты.

Об остальном – “стихи мои свидетели живые”. Недавно был в Скопле (где крутящиеся дервиши по сей день пляшут в мечетях, воздвигнутых на развалинах богумильских капищ) – в гостях у Евгения Васильевича. Он собирается через год выйти в отставку и поселиться у самого моря, в Далмации. Пишет очень интересные и ценные воспоминания. К осени предполагаем издать сборник; я приготавливаю статью о его научной деятельности (к 70-летию). Будет проза (Ремизов) и стихи (мои, Дуракова, Софиева, Е. Таубер.⁴ Если бы Вы разрешили напечатать Ваши стихи! (я учитываю возможность оправданного отказа, и все же прошу – для Е. В. была бы такая радость).⁵

Уже годами лишь скудные сведения о Вас доходят изредка до меня. В прошлом году я был в Милане, но Вы летом в Риме. Когда-то увижу Вас вновь? Что вы пишете в Вашем великодушном уединении, напоминающем пустынночество Петрарки?

Передайте мой сердечный привет Ольге Александровне и всем Вашим.

Душевно Вам преданный и глубоко уважающий Вас

Илья Голенищев-Кутузов.

Мой адрес: Mileševska br. 27/1
Belgrade (Yougoslavie)

¹ О честь и светоч всех певцов земли, /Уважь любовь и труд неутолимый, /Что в свиток твой мне вникнуть помогли! /Ты мой учитель, мой пример любимый... (Ад, I, 82-85. Перевод М. Лозинского).

² Tu se' solo colui, da cui io tolsi / Lo bello stilo che m'ha fatto onore. (Лишь ты один в наследье мне вручил/Прекрасный слог, везде перевозносимый).

³ Соломон Германович Сумский Каплун (1891-1940) в 1920-е годы был владельцем известного берлинского издательства *Эпоха*; позднее перебрался в Париж. См. некролог Г. Аронсона в "Социалистическом вестнике" 10 февраля 1941, с. 40.

⁴ Поэтесса Екатерина Леонидовна Таубер (1903–6 ноября 1987).

⁵ Насколько мне известно, сборник не был издан.

16. В. И. Иванов – И. Н. Голенищеву-Кутузову

20 августа 1935

Roma, via Gregoriana 12, int. 9

Дорогой Илья Николаевич,

Хронология наших сношений (как и хронология возникновения Вашей прекрасной книги стихов) измеряется столь астрономическими числами, что мое полугодовое молчание в ответ на присылку четырехлетней новорожденной с глубоко тронувшим меня посвящением и милым Вашим письмом, кое составляя само по себе тяжкое прегрешение, в каковом и винюсь, встретит, быть может, с Вашей стороны некоторое снисхождение, тем более что в смягчающих вину обстоятельствах недостатка нет: ведь, согнанный благоразумною политикой бюджетных сокращений с моего насиженного уголка в гостеприимном и блистательном Collegio Vogomeo (место мое упразднено), я переживаю год великой разрухи и безвременья, туги и неустройства, что исключает не только возможность свободно располагать своим досугом, но и самый досуг. Что же до моего молчания по получении Вашей внушительной диссертации, которая меня глубоко обрадовала и с которой Вас восхищенно поздравляю, – то объясняется она просто неосведомленностью о месте Вашего пребывания. Неустойчивость Вашего адреса препятствовала мне и раньше писать Вам в ответ на присланные (также какие-то неустойчивые) стихи, в которых нечто остро, но не до конца пережитое не могло –

или не хотело – определительно (то есть художественно-завершонно) сказаться. Перечитывая теперь то, что я знал, когда писал свое предисловие, я уверяюсь в оценке, наметенной мною в этом последнем; в других же стихах, как напечатанных, так и рукописных, вижу больше поэтического субстрата, нежели формы, вследствие чего рассматриваю их только как переход и подготовку ко второй эпохе Вашего творчества, а не как наступление ее: окончательной кристаллизации еще нет; а так как Ваш второй сборник должен был бы утвердить Вас как художника вполне созревшего, и Вашу новую эпоху представить не в эскизах, а в завершонных созданиях, то предостерегаю Вас от преждевременного выпуска в свет *Огня над водами* (не "над водами", как теперь неправильно говорят). Из этих новых стихов кое-что мне весьма нравится, но не достаточно нравится, чтобы ослабить высказанное общее суждение. На глупые ж критики (в роде полублагосклонной в последней книге *Современных Записок* – увеселительны "русские парижане", робко обезьянящие французских сюрреалистов и им подобных, чьи клички не стоит запоминать, *tellement elles sont précieuses*¹⁾ – на "парижские" критики,²⁾ говорю я, не обращайтесь вовсе внимания.

Итак, дорогой мой друг, благодарю Вас еще, и от всего сердца, за Вашу большую и неизменную ко мне доброту и ласку. Поздравляю Вас с превосходным устройством Ваших академических дел (я предпочел бы все же Загреб, но о вкусах не спорят). Жаль однако, что Вы так скупко сообщаете мне о своей личной и семейной жизни: стихи — сказочники и выдумщики, они плохие повествователи.

Забота моя: попадет ли это письмо в Ваши руки, и когда? А оно ведь спешное, потому что мне непременно хочется принять заочно участие в чествовании Евгения Васильевича, а сборник в его честь у Вас, быть может, уже печатается, если не отпечатан. Недурно было бы думать, перепечатать в нем посвященное Аничкову мое стихотворение из *Cor Ardens*, основанное на данных его исследования о Николе-Угоднике и на сербском духовном стихе об Илье и Николее. Для Вашего удобства присылаю его список, с небольшим отступлением от оригинала: а именно, в первых строфах нужно соединить по две строки в одну, ибо эта одна (состоящая из двух не стихов, а полустиший) дает ту ритмическую единицу

— — — — — || — — — — — ,

которая в Византии была излюблена и именовалась "политическим стихом" (*πολιτικός στίχος*): эта форма нарочно мною взята для couleur byzantine. Кроме сего, посылаю – предположительно для сборника – написанное мною на днях стихотворение о нашей старой дружбе с Евг<ением> Васильев<ичем>.³ (Замысел его – поселиться, по выходе в отставку, на благословенных берегах Адриатики и писать там первым делом воспоминания,⁴ меня восхищает. Авось, Бог даст, и свидимся в Италии, где мы с дочерью натурализовались (а сын, родившийся во Франции, ныне студент-филолог в Aix-en-Provence, – француз).

Ну, пока довольно, – продолжение следует, когда Вы ответите на это по Вашему зимнему адресу направляемое в Белград послание. Обнимаю Вас нежно.

Искренне Ваш

Вяч. Иванов.

P. S. Дорогой Илья Николаевич, да ведь кажется – я не поблагодарил Вас своевременно и за вашу статью обо мне в *Соврем<енных> Зап<исках>*, статью незабвенную и милую моему сердцу, глубокую и тонкую. – А знаете ли Вы, в эту зиму в Риме встречались мы с Мережковскими, видались у них и у нас не однажды, la glace est rompue.⁵ Жаль, все мои книги лежат еще упакованными в Павии, иначе я выслал бы Вам numero unico della rivista milanese *Convegno*,⁶ посвященный моей деятельности (вышел в апреле 1934 г.): постараюсь со временем Вам с Евг<ением> Васильевичем выслать хоть один экземпляр.

В. И.

Ольга Александровна с нами и просит передать Вам "сердечно-памятный привет" наилучшими пожеланиями и пожеланиями.

НИКОЛИН ДЕНЬ
В МИРАХ ЛИКИЙСКИХ

Е. В. Аничкову

В Розалии весенние святителя Николы
Украйте розой, клирики, церковные престолы,
Обвейте розой посохи, пришельцы-богомолы!

Пусть роза мирликийская венчает хор свирельный,
Лачуги бедных рыбаей, их невод самодельный,
И снасти мореходные, и якорь корабельный.

И розами по кладбищам усопших одаряйте,
И в розах с домочадцами за кубком вечеряйте:
Приблизятся ли родичи, дверей не затворяйте.

Разгонит роза темный полк,
А крест крепит победу.
В блаженных кущах смех и толк:
Сошлись на пир-беседу.
«Ты что, Никола, приумолк?»
Илья-пророк соседу.

И нектарного пития
Хмелиною червонной
Никола потчует Илья:
Едва Никола сонный
Ковша не выронил, лия
Напиток добровонный.

Да гром святого разбудил.
«Проснися, полно, сродник!» —
Илья, смеясь, его стыдил:
«Опять ты, колобродник,
На землю, в море-ль уходил?»
Ответствует угодник:

«Вздремнул я, брат! Красу морей
Вдруг буря возмутила;
Три сотни, боле, кораблей
Чуть-чуть не поглотила.
Из сил я выбился, ей-ей, —
Едва лишь отпустила...»

Илью весенняя гроза,
Никола славит море;
И тишина, и бирюза
На ласковом просторе,
Когда Николы образа
Все в розовом уборе.

Примечание. См. исследования Е. В. Аничкова: *Микола-Угодник и св. Николай*, в Записках Неофилологического Общества 1892 г. № 2, и *St. Nicolas and Artemis* в журнале *Folklore* за 1894 г.

Вячеслав Иванов.

(Cor Ardens II, стр.117 сл.).

¹ Так они недолговечны (франц.).

² Резко негативно отозвался на поэтическую книгу Кутузова Г. Адамович; со сдержанной похвалой, хотя несколько двусмысленной, М. Цетлин (статья *О современной эмигрантской поэзии* - "Современные Записки", № 58, 1935, с. 458). 27 января 1935 г. Ходасевич писал Кутузову: "Приимите во внимание, что Вы — сотрудник "Возрождения", участник "Перекрестка", обитатель Белграда: вот сколько на Вас грехов. Вряд ли Адамович найдет в себе мужества перешагнуть через них... Поэтому он, вероятно, сделает кислую мину и будет вежливо браниться. А затем мы постараемся его брань зачеркнуть" (Архив Сербской Академии наук и искусств, Бр. 9289). Отзыв Ходасевича на книгу "Память" появился в статье *Книги и люди. Новые стихи* - "Возрождение", 1935, 24 марта № 3585, с. 3-4.

³ Не исключено, что речь идет о стихотворении *Сверстнику* (Старина, еще мы дюжи мыкать...), которое впервые было опубликовано в "Современных записках", т. 63, и затем вошло в *Свет Вечерний*. Ср. комментарий к стихотворению О. Дешарт в кн. Иванов 3: 838.

⁴ Мемуары Аничкова *В прежней России и за границей* хранятся в архиве Сербской Академии наук (Бр. 9259).

⁵ Французское выражение, означающее "отношения восстановлены".

⁶ Специальный номер миланского журнала "Конвеньо" (итал.).

17. В. И. Иванов – И. Н. Голенищеву-Кутузову

23. VIII. 35

Дорогой Илья Николаевич, третьего дня я послал Вам по вашему старому адресу (Mileševska 27) заказное письмо со стихами для сборника в честь Е. В. Аничкова, а сегодня узнал от белградских знакомых Ваш новый адрес и спешу уведомить Вас об оном письме, полагая, что составление и печатание сборника – дело спешное. Если стихи пойдут в печать, благоволите выслать мне корректуру. Адрес мой: Roma, Via Gregoriana 12, Prof. Venceslao Ivanov.

Привет!

18. И. Н. Голенищев-Кутузов – В. И. Иванову

26. VIII. 1935

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Письмо Ваше (заказное) получил позавчера. Был ему несказанно рад. Боялся, что потерял с Вами связь. На днях отвечу Вам подробнейшим посланием. Евгений Васильевич – на берегу Адриатики. Перешлю ему Ваши стихи. Я очень за него порадовался – для него будет праздник. Сборник выйдет еще не так скоро (к Рождеству). Целую ручки Ольге Александровне. Сердечный привет всем Вашим. Адрес мой Вы знаете теперь (до первого ноября тот же; кроме того: Francuski Seminar, Filozofski fakultet Universitet). Сердечно Вам преданный и глубоко уважающий Вас, Ваш И. Г. Кутузов

19. И. Н. Голенищев-Кутузов – В. И. Иванову

Белград 31/XII 1935 г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

В последний день этого года смог наконец – обретя вновь приблизительное душевное и телесное равновесие – ответить Вам на Ваше письмо, которое меня и опечалило и обрадовало. Неясность судьбы Вашей меня беспокоит. К тому же сами пути страны, Вас приютившей, темны и опасны. Приближается *Година Гнева*, эра Офиеля.¹ Жду от Вас более утешительных вестей. В том, что так долго не отвечал Вам, виноваты, отчасти, Вы сами: писал о Вашем *Достоевском* статью (посылаю Вам вместе со сборником белградских поэтов), читал (совместно с Евгением Васильевичем) лекцию, посвященную Вашему творчеству в Русском Научном Институте.² Статья о Достоевском имела большой успех.

Относительно сборника в честь Евгения Васильевича пока не могу Вам сообщить ничего отрадного – денег еще нет. Мне очень хотелось бы услышать Ваше мнение о сборнике местных русских поэтов, мною подобранном.

Посылаю Вам новые стихи мои. Со вторым сборником я не тороплюсь, да и Miss Destiny не позволяет: бедность – злейший цензор.

На русский Париж я давно смотрю с философическим спокойствием. Там, кстати, вышел поэтический альманах под обнадеживающим заглавием *Якорь*³ (где (ведомо ли Вам?) помещены два Ваших римских сонета (из моей статьи!) и два моих стихотворения).

Не теряю надежды, что в наступающем году увижу Вас и Рим. Если только состоится предполагаемый Византологический конгресс в Италии, подделаюсь под византолога (в связи с французскими средневековыми романами и старо-сербскими) и пристроюсь к югославской группе. Но позволят ли Офигель и Miss Destiny (или и они применят санкции)?⁴ *Chi lo sa?*⁵

В университете у меня большой моральный успех: аудитория всегда переполнена, но материально пока что не важно. Надеюсь, все же, что в этом году меня сделают "университетским доцентом". Тогда я освобожусь от гимназии, и жить будет легче. Не исключена возможность, что попаду в Скопле на место Евгения Васильевича, который уходит весной в отставку — *limite d'age*.⁶ Туда мне не слишком хочется, но для университетской карьеры, как *pis aller*⁷ придется и на это согласиться. Знаете ли Вы, что в этом году умерла Анна Митрофановна⁸ (жена Е<вгения> В<асильевича>) в Петербурге?

По стихам моим (Вы верно угадали, лирик вечно предает себя) — у меня в сердечной жизни не все было благополучно. Мне об этом еще тяжело писать *почтовой прозой*.⁹ Вот когда свидимся — если Бог даст.

Передайте мой сердечный привет и лучшие пожелания Ольге Александровне. Где Елена Алекс<андровна> и какова ее судьба?

О новых стихах мне хотелось бы, что б Вы мне написали подробнее, если только они заслуживают Ваше внимание. Каждая строчка Ваша в моей духовной пустыне — великая радость.

Душевно и неизменно Вам преданный,

Ваш Илья Голенищев Кутузов.

Адрес мой (надеюсь продолжительный!):

Miodraga Davidovic'a 68 Belgrade.

Мне очень хотелось бы иметь № *Convegno*, Вам посвященный.

¹ Здесь двойная цитата из В. Иванова: *Година гнева* — название цикла в книге *Cor Ardens* (Иванов 2: 249-257); в эпиграфе из Корнелия Агриппы цикла *Carmen Saeculare* той же книги читаем: "Есть семь мировых кормчих и семь державств небесных <...> Аратрон, Бефор, Фалег, Ох, Хагиф, Офигель, Фил. <...> Хагиф царствует по 1900 г., оттоле Офигель" (там же, с. 286).

² 15 ноября 1935 г. в Русском научном институте в Белграде Е. В. Аничков читал лекцию *В. Иванов как мыслитель*, и Кутузов – *Поэзия В. Иванова* (Е. В. Спекторский. *Русский научный институт в Белграде*. Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 14, Белград 1939, с. 29). Ксерокопия чернового конспекта лекции Аничкова (35 лл.) находится в Римском архиве.

³ *Якорь*. Антология зарубежной поэзии. Сост. Г. В. Адамович и М. Л. Кантор. Париж, 1936. "Покуда – преобладающее в нынешней поэзии настроение – настроение ужаса перед бессмыслием, призрачностью того, чем подменена подлинная жизнь, влечение к сну как небытию, настроение Анненского – *окунуться-бы, кануть в этот омут безликий*; то настроение, которое, – надо признать это – в конечном итоге может заставить поэта, если он последователен, перестать быть поэтом, обречь его на молчание. Но люди, слава Богу, редко бывают последовательны. Антология Г. В. Адамовича и М. Л. Кантора служит доказательством, что поэзия не умерла «...», а значит, доказательством ценности того нового духовного опыта, из которого новая поэзия возникла. Таким образом, самый факт существования этой поэзии служит, думается мне, ее оправданием и является ее, так сказать, патентом на благородство" (Рецензия П. Бицилли в "Современных Записках" 1936, № 60, с. 28-30). Эти мысли критика интересно сопоставить с тезисом В. Иванова (в предисловии к книге *Память*) о "жизни вне жизни" в ситуации зарубежья.

⁴ Лига Наций в ноябре 1935 г. применила экономические санкции против Италии в виде протеста против вторжения Италии в Эфиопию.

⁵ Кто знает? (итал.).

⁶ По выслуге лет (франц.)

⁷ Лучшее из худшего (франц.).

⁸ Анна Митрофановна Аничкова, ур. Авинова (1868-1935), романистка и критик, писала на французском и русском языках, иногда под псевдонимом Иван Странник. См. о ней *Литературное наследство*, т. 85, с. 469, 561. В 1904 г. Иванов опубликовал рецензию на ее роман *L'ombre de la Maison*, Paris, 1904 в журнале "Весы" 1904 № 11.

⁹ *Почтовой прозой говоря* – строка из *Графа Нулина*.

20. И. Н. Голенищев-Кутузов – В. И. Иванову.

Белград, 11-го июля 1937 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Сведения о Вас доходят до меня все реже и реже. Адрес Ваш узнал от любезнейшего Dr. Стефановича,¹ с которым иногда встречаюсь. Но твердо верю, что нам суждено еще увидиться. В будущем году надеюсь найти возвратный путь в Рим, подобно древним пилигримам Иллирии –

Qual è colui che forse di Croazia
Vien a veder la Veronica nostra
Che per l'antica fama non si sazia...

– тем более, что подготавливаю для сербского издательства книгу о Петрарке.

Сердечно был тронут стихами мне посвященными – в них тема изгнания и тема родины, Ваши и мои и обще-русские.² Меня потрясли доселе мне неизвестные стихи о Скрябине (в музыку этого величайшего нашего композитора я все глубже проникаю – она ужасает и восхищает). Порадовали меня и обновили жизненные силы Ваши, стихи, которые слышу впервые – *Волки, Notturmo*.³ Снова устремляюсь “к родникам былого – недавнего и уже былого!”⁴ – чтобы в духе и мысли снова с Вами встретиться.

Посылаю Вам две мои новые книги. В сербской, изданной самой значительной в Югославии литературной организацией (тираж – 6000) Вы найдете две статьи Вам посвященные. Статья о Достоевском в Вашем толковании появилась впервые год назад в журнале *Српски Књижевни гласник* (белградские *Современные Записки*).

Три года тому назад, когда мне удалось еще раз побывать летом в Париже, я собрал неизданные материалы для небольшого исследования о Филиппе де Мезьере, друге Петрарки, одном из интереснейших писателей XIV века. Работа эта, как увидите, связана с моей диссертацией и является ее продолжением. Кроме Вашего экземпляра – прилагаю еще два, быть может вы их дадите для отзыва кому-либо из стоящих итальянцев – буду Вам очень благодарен. Посылаю Вам мои новые стихи (за последние два года). Вы знаете – я не обращаю внимание на парижских декадентских Писаревых вроде Адамовича – мне важно лишь мнение нескольких моих друзей и прежде всего – Ваше.

Вторую книгу стихов выпущу лишь через несколько лет, и, вернее всего, в России,⁵ куда меня все сильнее тянет.

В жизни моей произошли большие перемены – я развелся и в скором времени женюсь во второй раз.

Невесту мою зовут Ольга Вальтеровна фон Бреверн, по матери она из моих мест – мы могли бы встретиться на балу у Пензенского предводителя или в имении Чембарского или Сердобского уезда. Ей двадцать пять лет (мне уже тридцать три!). Очень недурна собой. Учится в университете (филолог) и служит в банке. Надеюсь, что на этот раз Гименей и Гера будут ко мне благосклонны – умоляю Вас, в виду Вашей несомненной близости к древним богам, вопреки всем палинодиям, походатайствовать за нас перед небожителями!

Буду с нетерпением ждать Вашего ответа. Вы знаете – каждое Ваше письмо для меня большая радость и духовное празднество.

Привет Ольге Александровне и всем Вашим лучшие пожелания!

Сердечно и душевно Вам преданный и глубоко уважающий Вас,

Ваш Илья Голенищев-Кутузов.

P.S. Мой адрес до конца августа:

48, ulica Dorđe Vašingtona, Belgrade

Кроме того мне можно писать и на университет:

Francuski Seminar. Filozofski fakultet. Universitet

И. Г. К.

¹ Поэт, писатель и переводчик Стефан Стефанович (1874-1944); муж ближайшей подруги Лидии Вячеславовны Ивановой Гиты Ради.

² Речь идет о стихотворении *Земля*.

³ Кутузов пишет о публикации в "Современных записках" 1937, № 63 стихотворений *Собаки* (Ни вор во двор не лезет...) и *Nocturno* (Ропот воли в сумраке полей...). Позднее все они были включены в *Свет Вечерний*.

⁴ Строка из стихотворения Иванова *Могила* (Тот вправе говорить: "Я жил..."), опубликованного в том же номере "Современных записок".

⁵ В СССР Кутузов опубликовал стихи из цикла *За рубежом. 1937–1944* (в литературно-художественном сборнике *В краях чужих*. Комитет за возвращение на Родину и развитие культурных связей с соотечественниками. 1962, с. 39-42), отметим смысловые изменения в тексте стихотворения *Возвращение*, (Когда-нибудь, чрез пять иль десять лет...), по сравнению с первоначальной публикацией в "Журнале Содружества", 1938 № 6, с. 3. В СССР Кутузов вплоть до своей смерти работал над итоговой

книгой стихов; работа, однако, не была завершена. Предполагалось также издание избранных стихов в журнале "Юность" с предисловием Б. А. Слуцкого; эта публикация не состоялась.

21. И. Н. Голенищев-Кутузов – В. И. Иванову

«вторая половина 1930-х гг.»

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Разрешите Вам представить и горячо рекомендовать моего приятеля Николая Николаевича Иванова,¹ доктора Парижского и Загребского университетов, историка литературы и искусства etc., etc. Н. Н. в настоящее время лектор русского языка в Лионском университете, где опекает его профессор Пангуйе.²

Я писал Вам несколько раз и на различные адреса, но боюсь, что письма мои до Вас не дошли. Посылал Вам также стихи и книги. Весть от Вас была бы для меня большая радость, а радостного в жизни у меня сейчас мало. Не знаю даже, останусь ли в Белграде – быть может в самом скором времени принужден буду перебраться в Париж. Дальнейшая судьба моя темна.

Глубоко уважающий Вас и сердечно Вам преданный

Ваш Илья Голенищев-Кутузов.

Адрес: Varšavska 29 Belgrade Yougoslavie

¹ Лицо неустановленное.

² Лицо неустановленное.

БИБЛИОГРАФИЯ

Блок А. А.

1-6 Собрание сочинений в шести томах. Л. 1980—1983.

Beyssac M.

1971 La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique (1920-1930). Etablie par M. Beyssac (Travaux de Centre de Recherche sur les relations entre le monde Slave et l'Occident № 3). Paris 1971.

Голенищев-Кутузов И.

1935 Достојевски и В. Иванов — Српски Књижевни гласник. Нова серија XLVI, Бр. 2, 1935.

1937 Из нове руске Књижевности. Београд 1937.

1971 Творчество Данте и мировая культура. Москва 1971.

- 1973 Славянские литературы. М. 1973.
- Davidson P.
1982 Vyacheslav Ivanov's translation of Dante — Oxford Slavonic Papers, XV, 1982.
- в печ. Poetic imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian symbolists perception of Dante. Cambridge University Press.
- Зернов Н.
1973 Русские писатели эмиграции: биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре. 1921-1972. Boston 1972.
- Иванов В.
1-4 Собрание сочинений. Т. 1-4. Брюссель 1971-1987.
- Ossorguine-Bakounine T.
1976 L'emigration russe en Europe. Catalogue collectif des périodiques russes. 1855-1940. Paris 1976.
- Струве Г.
1984 Русская литература в изгнании. Париж 1984 (2-ое изд.).
- Терапиано Ю.
1987 Литературная жизнь русского Парижа за полвека. Париж-Нью Йорк 1987.
- Terras V.
1985 Handbook of Russian Literature. Ed. by V. Terras. New Haven and London 1985.